

Виталий Маслов
(Калининград)

ОБРАЗ ПОБЕДЫ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

В советской и российской литературе Победа в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне сопровождалась и сопровождается определениями: «великая», «всемирно-историческая», «законно-мерная», «проявление духовной мощи советских людей», «подвиг во имя человечества». Образ Победы многогранен: он включает в себя не только сам путь к ней, но и то, как позднее в обществе рассматривались проблемы кануна войны и ее хода, на каких аспектах при этом делался акцент и как на формирование образа Победы влияла политическая конъюнктура. Поэтому необходимо рассмотреть, как важнейшие проблемы войны трактовались в научной, учебной и мемуарной литературе, а также в средствах массовой информации. Для воссоздания того, как изменялось содержание образа Победы, следует выяснить, на какие узловые моменты политики, историки и публицисты обращали особое внимание в различные периоды послевоенной жизни, тем самым формируя историческое сознание граждан.

В первое послевоенное десятилетие официальные трактовки Победы и советского пути к ней предопределялись позицией И. В. Сталина, нашедшей отражение в сборнике «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Он содержит материалы о войне с 1941 по 1945 год, предназначен для широкой публики, выдержал несколько послевоен-

ных переизданий и в целом может пониматься как сталинская концепция Победы.

Рассматривая проблемы кануна войны, Сталин объяснял подписание советско-германского пакта о ненападении тем, что «ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп», и «мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства» [9, с. 11]. Для того чтобы развеять последние сомнения, Сталин особо подчеркивал: «Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора...» [Там же]. Таким образом, пакт был легитимен и выгоден Советскому Союзу, так как отдалял срок вступления страны в войну с Германией.

При этом не упоминалось о том, что переговоры с Великобританией и Францией зашли в тупик (материалы сборника относились ко времени войны, и напоминать об этом союзникам было, по меньшей мере, нецелесообразно). Не говорилось и о том, что Германия практически открытым текстом заявляла о своей готовности напасть на Польшу и поэтому СССР стоял перед выбором. Альтернатива для советского руководства была такой: или Германия действительно станет соседом СССР и без договора о ненападении дальнейший ход событий предсказать трудно, или же Германия, став соседом СССР и имея с ним соглашение о ненападении, начать войну против Советского Союза сразу не сможет. Точного представления о дальнейших планах Германии советское руководство не имело, но страх капиталистического окружения и синдром «завтра война» были очень сильны. Конечно, не было даже намека на существование секретных протоколов к советско-германскому пакту 1939 года, не шла речь и о двойной дипломатической игре, которую вели тогда ведущие державы мира.

Следующий вопрос, который, создавая целостный образ Победы, Сталин неизбежно должен был затронуть, — проблема отступления советских войск. В обращении к населению страны 3 июля 1941 года глава государства спрашивал: «Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов?» В числе причин называлось, во-первых, то, что войска Германии были полностью отобилизованы, во-вторых — вероломное нарушение пакта о ненападении и внезапность вторжения германских армий в СССР, в-третьих — отсутствие второго фронта в Европе, в-четвертых — недостаток танков и отчасти авиации [Там же, с. 9–11]. С 1942 года, сглаживая горечь поражений, Сталин стал называть время

отступления Красной Армии периодом «активной обороны». Только 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии главнокомандующий откровенно признал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 – 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные села и города...» [Там же, с. 196]. Хотя высказывание Сталина было опубликовано, но развития в литературе и печати эта мысль, конечно, не получила. Летнее отступление советских войск в 1942 году Сталин объяснил только тем, что немцы воспользовались отсутствием второго фронта в Европе, «собрали все свои резервы под метелку, бросили их на наш украинский фронт и прорвали его» [Там же, с. 79].

Конечно, значительная часть материалов сборника была посвящена укреплению боевой мощи Красной Армии, росту промышленного потенциала страны, победным сражениям советских Вооруженных Сил, «десяти сталинским ударам по врагу». Некоторая критичность по отношению к союзникам сменилась после открытия второго фронта эпитетом «великие союзники».

Война однозначно определялась как Отечественная, освободительная и справедливая. В связи с этим особо подчеркивались цели в ней Советского Союза. Вновь процитируем Сталина: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей. Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков... Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается» [Там же, с. 46 – 47].

В «Обращении к народу 9 мая 1945 г.» Сталин объявил, что 8 мая в Берлине представители немецкого командования подписали окончательный акт о капитуляции, исполнение которого началось с 24.00. «Наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом» – и в тот же день был издан приказ Верховного Главнокомандующего, где 9 мая объявлялось Днем Победы [Там же, с. 192, 195, 207]. Такой же подход – считать Днем Победы следующий за подписанием акта о капитуляции день – был распространен и на победу над Японией.

Только в самом конце войны Сталин начал говорить о великих жертвах, неисчислимых лишениях и страданиях, напряженном труде советского народа в годы войны.

С середины 1950-х годов в СССР началась переоценка некоторых проблем советской истории, в том числе роли Сталина в жизни страны. Новые моменты обозначились и в подходе к ряду сложных вопросов Великой Отечественной войны. Отношение к Победе не изменилось, но освещение некоторых существенных моментов пути к ней стало иным.

В докладе Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» 25 февраля 1956 года на XX съезде компартии был задан новый вектор трактовки отдельных событий войны и их роли в Победе. Эти аспекты были конкретизированы и пространно изложены в докладе министра обороны Г. К. Жукова «Состояние и задачи военно-идеологической работы», с которым он предполагал выступить 4 июня 1956 года на пленуме ЦК КПСС по вопросам идеологической работы в связи с решениями партийного съезда. Правда, пленум был проведен 20–24 декабря, но этот вопрос на нем не рассматривался.

Хрущевым прежде всего было заявлено, что в литературе, кинофильмах и научных исследованиях «неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне». Была раскритикована тактика «активной обороны», подчеркивалось, что «единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны» [2, с. 83]. Развенчивая культ Сталина, Хрущев сказал, что Сталин в начале войны не руководил военными операциями, а его «нервозность и истеричность» при вмешательстве в ход военных операций наносили тяжелый урон армии [Там же, с. 88–89]. При этом уже в февральском докладе 1956 года стал складываться еще один миф — о военной прозорливости Хрущева, которого Сталин не послушал во время боев под Харьковом в 1942 году, и поэтому советские войска отступили.

Жуков высказал не только тезис о полной растерянности Сталина в управлении страной и армией в первые дни войны, но и мнение о том, что «в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах», «давал неквалифицированные указания». Мысли Жукова были противоречивыми: с одной стороны, единоличный руководитель в полной растерянности, с другой — именно он, по словам маршала, отдает приказы [Там же, с. 312–313]. Вывод о том, что Сталин плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах в начале войны, предполагает, что он стал понимать их в дальнейшем и, кроме того, разбирался в вопросах стратегических. Позднее Жуков писал: «Могу твердо сказать, что И. В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фрон-

тов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности... особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы» [4, с. 96–97].

Во второй половине 1950-х годов критиковался тезис о внезапности нападения Германии на Советский Союз; указывалось, что Сталин, чтобы не спровоцировать начало военных действий, не доверял информации о том, что Гитлер сконцентрировал большие войсковые соединения на границе с СССР. В то же время в докладе Хрущева подчеркивалось, что «не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения» [2, с. 84–85]. Таким образом, идея о внезапности нападения, только что подвергнутая сомнению, на самом деле не отвергалась — она так и осталась в научных исследованиях, публицистике, художественной литературе и общественном сознании.

Более откровенно с 1956 года говорилось о техническом отставании Красной Армии перед войной и о потерях в самом начале войны. Утверждалось, что армия была вооружена плохо, не имела достаточного количества не только танков и самолетов, но и артиллерии; перевооружение началось только в самый канун войны; старая техника снималась с вооружения, а новая еще не поступила в войска; не было даже достаточного количества винтовок; в первые часы и дни войны противник уничтожил громадное количество людей и техники, дезорганизовал управление войсками. Жуков констатировал, что в Красной Армии было очень мало механизированных соединений. Только зимой 1941 года было принято постановление о ликвидации кавалерии и создании механизированных корпусов, но это правильное решение все же оказалось запоздалым [Там же, с. 86, 310–311].

Впервые поражения в начале войны начали связывать с террором в Красной Армии в 1937–1941 годах, когда были истреблены опытные командные кадры, подорвана дисциплина в войсках, так как в армии занимались поиском врагов и опасались доносов. Были названы фамилии прославленных полководцев, которые перед войной попали в тюрьмы [Там же, с. 87–88].

Также Жуков заявил о политике «неправильного отношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена» [Там же, с. 319]. В тексте его предполагаемого выступления содержится утверждение о том, что подразделения и части попадали в окружение в силу сложившейся обстановки и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказывались в плену, причем многие — ранеными и контуженными. Пленные сохраняли верность Родине, не были предателями, как утверждалось в СССР в ходе войны и в первые послевоенные годы. Жуков назвал незаконными их

послевоенное уголовное преследование, ссылки и расстрелы [Там же, с. 319—322]. И действительно, во второй половине 1950-х годов в общественном сознании изменилось отношение к советским военнопленным.

В секретном докладе Хрущева на XX съезде КПСС Победа характеризовалась как «величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, спасшего сотни миллионов людей Востока и Запада от нависшей над ними угрозы фашистского порабощения». В докладе утверждалось, что Победа «будет жить в памяти благодарного человечества века и тысячелетия» [Там же, с. 93]. Жуков собирался призвать к воспитанию патриотизма и гордости советского народа на примере Победы в войне. В тексте его доклада есть строки о том, что «у нас почти нет памятников в местах, где происходили важнейшие события гражданской и Отечественной войн. В Москве и городах-героях до сих пор нет монументальных памятников подвигу советского народа в Отечественной войне... Это явно ненормальное положение необходимо устранить в ближайшее время» [Там же, с. 319]. Собственно говоря, впоследствии эта идея была реализована в полном объеме.

В 1960-е — первой половине 1980-х годов, несмотря на отдельные нюансы в научных исследованиях, мемуарах и публицистике, магистральная линия по отношению к Победе и ее трактовкам в обществе была единой. Поэтому достаточно остановиться на нескольких характерных публикациях, чтобы осветить эту линию.

В СССР были изданы шеститомная история Великой Отечественной войны и двенадцатитомная история Второй мировой войны. На их основе подготовлены краткие однотомные истории этих войн. Обратимся к книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945» [1].

В это время подписание с Германией пакта о ненападении объяснялось тем, что Англия и Франция затягивали переговоры с СССР, ожидая похода Гитлера на Советский Союз, которого боялись больше, чем нацистскую Германию. В условиях, когда западные державы вели двойную игру, осуществляя летом 1939 года переговоры с Германией, СССР оказался перед угрозой войны на два фронта в обстановке возможной международной изоляции. В силу этого делается вывод, что Советский Союз был вынужден пойти на заключение предложенного Германией пакта о ненападении.

Вступление советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию трактовалось как стремление защитить их от фашистского порабощения и как мера по укреплению западных границ страны. Указывалось, что договоры с Латвией, Литвой и Эстонией были подписаны по предложению Советского Союза, а Красная Армия, введенная в Прибалтику, обеспечивала безопасность латвийского, литовско-

го и эстонского народов. Политическая ситуация в этих трех странах обострялась, «антинародная» политика правительств вызывала возмущение, развернулась революционная борьба, в результате чего были свергнуты реакционные правительства, а сеймы обратились в Верховный Совет СССР с просьбой включить государства в состав СССР.

При характеристике подготовки к войне в основном говорилось о достижениях, кратко — о проблемах, особенно в артиллерии, о недостатке времени для оснащения армии и флота новейшим вооружением и боевой техникой. При объяснении причин неудач советских войск сохранялся тезис о вероломности и внезапности нападения. Также указывалось на просчеты в определении сроков нападения. Вина за это возлагалась на Сталина и других высших военных руководителей. Клеймилась «близорукая» политика западных государств, которая не позволила создать систему коллективной безопасности, зато помогла фашистской Германии значительно усилить свое экономическое и военное могущество и разгромить ряд европейских стран. О репрессиях не говорилось, но отмечалось, что командный состав Красной Армии перед войной значительно обновился. Утверждалось, что количественное превосходство в силах долгое время оставалось за немецко-фашистскими войсками. Подчеркивалась слабая моторизация Красной Армии. Четко было заявлено, что потери в первые дни войны, нарушение связи, неспособность обеспечить сплошную линию фронта еще более ухудшили ситуацию. Особо обращалось внимание на то, что в предвоенные годы подготовка советских войск была подчинена наступлению («война малой кровью на территории противника»), а вести пришлось так называемую «стратегическую оборону». Отступление 1942 года фактически объяснялось ошибками командования: «Силы и средства были распределены таким образом, что у Красной Армии не оказалось превосходства ни на одном из направлений».

Весьма подробно в научной, публицистической и художественной литературе говорилось о победных сражениях Красной Армии, подвигах солдат и офицеров, партизан и подпольщиков. Это была самая *выигрышная* тема для военно-патриотической работы. Можно утверждать, что именно в это время сформировался *культ* Победы и ветеранов-победителей. Великое множество произведений художественной литературы посвящалось войне, сформировалось военное направление в литературе и искусстве. Слагались песни о подвиге народа в войне и о Победе. Проводилось много встреч с ветеранами, молодежных вечеров, на которых освещалась история войны, сражений и Победы.

Эта тенденция совпала с процессом ресталинизации. Средствами художественной культуры вновь создавался образ мудрого и талант-

ливого полководца. Особенно ярко это проявилось в кинофильме «Освобождение». Однако в научной литературе и средствах массовой информации имя Сталина упоминалось редко — чаще говорилось о безымянном Верховном Главнокомандующем.

Художественными средствами поднимались проблемы войны, в частности вопрос о «цене» Победы. Например, художник В. Е. Попков написал серию работ «Воспоминания», картину «Шинель отца». В «суровом стиле» он говорил о трагедии войны, о погибших солдатах — женах, мужьях, отцах.

Вывод о Победе был однозначным. Вступление СССР в войну стало решающим фактором превращения Второй мировой войны в войну освободительную, антифашистскую со стороны государств, которые противостояли Германии и Японии. Советский Союз понес наибольшие жертвы и сыграл ведущую роль в разгроме фашистского блока, а советский народ с честью выполнил свою освободительную миссию, очистив Европу от фашизма.

С конца 1980-х годов наблюдается отказ от единственной идеологически определенной точки зрения на события войны и на Победу. В печати, научных изданиях стали публиковаться ранее засекреченные или скрывавшиеся от общественности документы, начали обсуждаться разные острые проблемы войны и Победы, причем нередко дискуссии велись с диаметрально противоположных позиций. Все это противоречиво воздействовало и до сих пор воздействует на формирование образа Победы в историческом сознании, тем более что в России с 1990-х годов создание позитивного образа Победы не имеет тех масштабов, которыми отличались предшествующие десятилетия. О Победе чаще всего вспоминают перед юбилейными датами или в связи с какой-либо скандальной публикацией.

Предметом обсуждения прежде всего явились обстоятельства заключения советско-германского пакта о ненападении. В центре внимания общественности оказались секретные протоколы к пакту, информация о которых несколько десятилетий скрывалась. В ряде научных работ и газетно-журнальных публикаций ведется речь об аннексии прибалтийских государств. Появилось много исследований о «зимней войне» с Финляндией. В исторической литературе и публицистике говорится об ошибках и просчетах сталинской дипломатии. В качестве примера приведем коллективную работу — сборник статей и материалов «Другая война. 1939 — 1945» [3]. В то же время во всех спорах преобладает мнение о правильности заключения пакта и несоответствии секретных протоколов широко провозглашавшимся принципам советской внешней политики.

Дискутируется вопрос о времени вступления СССР во Вторую мировую войну: когда Советский Союз ввел войска в Польшу в сентябре 1939 года? когда подчинил Прибалтику? когда начал войну с Финляндией? или же все-таки в 1941 году? На страницах научной периодики ведется полемика о степени сотрудничества Советского Союза с Германией в 1939–1941 годах и крутом повороте в советской политике и пропаганде по отношению к западным демократиям в это время.

Обсуждается не только фактор внезапности, но и вопрос о нанесении Германией в 1941 году превентивного удара против Советского Союза. Особенно взбудоражило общественное мнение появление в России книги В. Суворова (Резуна) «Ледокол», в которой обосновывается мысль, что СССР готовился первым нанести удар по Германии. Широкой поддержки эта точка зрения в обществе не получила.

Много говорится о предвоенных репрессиях в армии, репрессировании народов в годы войны, крайне негативном отношении властей к советским военнопленным. Рассматриваются проблема жестокости сталинского приказа «Ни шагу назад!» (№ 227 от 28 июля 1942 года), в котором в неудачах и отступлении обвинялась Красная Армия, и вопрос об ошибках командования, просчетах, например в 1942 году.

Впервые остро поднят вопрос о «цене» Победы, нередко говорится о том, что жизни солдат и офицеров верховное советское командование не берегло и допускало неоправданные потери. В связи с этим в ряде научных и публицистических работ появились негативные отзывы о советском полководце Жукове [5; 6]. Героизм и патриотизм советских солдат и офицеров никакому сомнению не подвергаются, но обращается внимание на проявление недовольства сталинским режимом, на коллаборационизм. Обсуждаются мотивы поведения генерала А. А. Власова — предатель он или борец со сталинизмом. Впервые рассмотрен вклад заключенных ГУЛАГа в Победу, говорится о произведенной в лагерях продукции, которая использовалась для нужд фронта.

Порой появляются публикации, авторы которых основное внимание уделяют различным негативным аспектам войны и военного времени. Однако, с другой стороны, справедливо задается, к примеру, такой вопрос: «Если все у нас было так беспросветно плохо, нам так не везло с командирами, все, что мы ни делали, оказывалось сплошной цепью ошибок и просчетов, если наши солдаты воевали нехотя... И. В. Сталин был человеком, который на каждом шагу делал только грубые ошибки и этим мешал воевать нашим генералам... то непонятно, каким же образом при этих условиях в конечном счете победителями оказались не немцы, а мы?» [8, с. 15].

Высказывается мысль и о том, что Победа в войне с фашизмом укрепила сталинский режим и советскую систему, поэтому в современных условиях нет необходимости широко праздновать День Победы. С годами уходят ветераны; не так остро, как ранее, воспринимается трагедия войны; тема Победы реже звучит в СМИ, к ней практически не обращаются писатели и поэты, художники и композиторы; она перестала быть идеологическим приоритетом. Следовательно, не является случайным то, что, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, с 2001 по 2009 год в два раза выросла доля тех, кто не знает ответа на вопрос о победителе во Второй мировой войне (с 7 до 15 %), с 92 до 87 % снизилась доля россиян, указывающих на основной вклад СССР в победу над фашистской Германией и ее союзниками [7].

Вместе с тем в научной литературе и публицистике преобладает мнение о том, что благодаря Победе советского народа над блоком фашистских государств все человечество было спасено от угрозы фашистского порабощения, Победа в войне — это историческая гордость и слава России. «День Победы — символ величайшего светлого события... двадцатого столетия...» [8, с. 31]. Такое же мнение распространено и среди российской общественности. Согласно опросам, наибольшее чувство гордости в истории страны у россиян вызывает Победа во Второй мировой войне.

Список литературы

1. *Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945.* М., 1984.
2. Доклад Н. С. Хрущева о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. М., 2002.
3. *Другая война. 1939 – 1945* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996.
4. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1986. Т. 2.
5. Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Г. К. Жуков: новое прочтение или старый миф. М., 1994.
6. Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Иной Жуков. Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996.
7. *Россияне продолжают верить, что СССР мог победить во Второй мировой войне без помощи союзников.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1201441.html>.
8. Саркисов Д. С. День Победы (к 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне). М., 2002.
9. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.

СЛОВЕСНОСТЬ

В. А. Жуковский как истинный арзамасец мог тонко обыграть... античную традицию, когда в качестве трофея уже не поэт, а воин-победитель получал не только имущество побежденного, но и его самого...

Т. Седова

Раскрываемые А. С. Пушкиным ситуации, стягивающие воедино «приличный хлад» и «правду пылкую» страстей, становятся в его произведениях источником неподдельного драматизма, внутреннего напряжения, душевных борений...

С. Исаев

Мысль, которая определяла весь творческий путь Ф. Н. Глинки: главной ценностью в мире является любовь, проявляющая себя прежде всего в доброте и милосердии.

Н. Жилина

Судьба двух выдающихся поэтов — Пушкина и Байрона — отражает общую проблему, связанную с переводом, потому что они в большой степени сформированы национальным характером и средой...

Н. Соловьева